

THE WOOL WOOL SHEAT

Vladlen

Егор

18+

Vladlen Vladlen

Егор

<https://litres.ru/73991203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбегая из своего маленького городка в огромный мегаполис, я даже не догадывалась что найду свою судьбу и познакомлюсь с древними существами.

От Автора: четвертая книга цикла.

1 - Прикосновение

2. Проводник

3. Булат

Постаралась сделать ее более романтической. Надеюсь все получилось. Если нравится, не забывайте нажимать на звездочку))) Каждое ваше нажатие приводит Муза в восторг и он работает активно))) Так же жду ваших комментариев и отзывов. Если не понравилось, тоже напишите. Объективная критика понимается и принимается всегда)

Содержание

Глава	4
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Vladlen

Егор

Глава

Действия этой книги происходят через год с лишним после событий, описанных в книге «Булат».

Пролог

Егор шел по зимнему городу, наслаждаясь украшенными яркими витринами.

Он насвистывал какую-то мелодию, услышанную по радио. Новогодняя суэта всегда приносила ему чувства какого-то чуда. Только вот уже больше четырехсот лет этого чуда не случилось.

Братьям повезло. Они встретили свою половинку. Остался только он.

Холод и серость стали привычными, и он даже уже не замечал этого.

Шумный перекресток, толпы туристов, слетевшиеся на новогодние праздники, как мотыльки на огонь.

Егор переходил дорогу в людском потоке.

Вдруг...касание...такое легкое, еле заметное. Но в этот миг мир обрел краски. Такие яркие.

Он замер посреди перехода, будто током ударило. Люди обтекали его, бросая недоуменные взгляды, но Егор ничего не видел. Он обернулся, сердце колотясь с непривычной, забытой силой. В метре от него стояла женщина, смущенно поправляя шарф. Их взгляды встретились. И он *узнал*. Не лицо — он видел его впервые: светлые волосы, выбившиеся из-под шапки, широко распахнутые серые глаза. Он узнал тишину. Тот самый, дремавший веками внутренний холод ис-

парился в одно мгновение, сменившись огненной волной, от которой перехватило дыхание.

- Простите, — произнесла она, и ее голос, мягкий и чистый, лег на душу, как исцеление.

Он не знал, что сказать дальше. Как объяснить, что мимолетное прикосновение руками перевернуло всю вселенную? Как рассказать о четырех столетиях ожидания?

Светофор сменился на красный, гудки машин стали настойчивее.

Егор огляделся, но девушка исчезла вместе с людским потоком.

Егор перебежал дорогу, а потом быстро достал телефон и позвонил племяннику.

- Арсений, нужно видео с уличных камер, срочно. Локацию сейчас скину.

Егор отключил вызов и посмотрел на другую сторону дороги

- Я найду тебя, теперь я знаю, что ты существуешь....

Глава 1

- Ярослава, не спорь с отцом – мама, как всегда, принимает сторону отца.

Всегда. Во всем.

- Буду спорить – спокойно ответила я, видя, как начинает от злости багроветь ее лицо – мне двадцать четыре года, я учусь в аспирантуре, у нас не крепостное право. Мы живем не в той стране, и мы не той веры, когда родители принимают решение о браке детей. Я за него НЕ ПОЙДУ.

Кофе попить спокойно не удалось. Папа снова запустил пластинку, о том, что я ОБЯЗАНА выйти замуж за Игоря Одинцова. Перспективного, по мнению отца, молодого офицера.

А то, что я не люблю этого мужчину, во внимание брать никто не хочет.

- В твоей любви никто не нуждается! – рявкнул отец, вре-
зав кулаком по столу так, что чашки подпрыгнули со звоном.
– Ты нужна для создания крепкой семьи, для поддержания репутации. Ты думаешь, я не видел, как ты на того актера своего пялишься? Слюни пускаешь по телевизору! Это – не жизнь. Это – дурость.

Он говорил, а я смотрела в окно, на декабрьские снежинки, падающие на стекло. Они собирались, на теплом стекле, в ручейки, расходились, исчезали. Как и мои надежды на

то, что когда-нибудь меня услышат. Мама стояла у буфета, нервно протирая уже блестящую фаянсовую чашку. Ее молчание было громче любого крика. Она всегда была на его стороне. Тихим, одобрительным фундаментом под его громовыми декларациями.

- Игорь – человек состоявшийся, – продолжил папа, уже спокойнее, взяв сигарету. Дым кольцами поплыл к потолку, затягивая комнату знакомым, удушающим запахом детства. – У него карьера, связи. Он обеспечит тебе стабильность. А что ты можешь предложить? Диплом историка? Мечты о писательстве? Это – сказки, Ярослава. Пора взрослеть.

В горле стоял ком. Не от страха, а от яростной, беспомощной обиды. Они продавали мое будущее, как партию товара, сбалансировав все параметры, кроме одного – моего желания. Любовь, чувства – досадный сбой в их четких расчетах, бракованная деталь, которую можно проигнорировать.

- Я не буду взрослеть по вашим лекалам, – сказала я, и голос, к моему удивлению, не дрогнул. – Я не вещь. И не буду подписывать контракт под названием «брак» без своей подписи внутри.

Мама наконец обернулась. В ее глазах я прочла не гнев, а усталую тревогу, почти панику.

- Ярославка, пойми... – начала она, и ее тон, этот вечный, примиряющий шепот, вдруг вывел меня из себя больше, чем отцовский грохот.

- Понять что? Что моя жизнь – это ваша инвестиция? Что

мое счастье – это что-то абстрактное, не стоящее внимания рядом с «перспективами» и «связями»?

Отец грузно поднялся из-за стола. Он казался вдруг не просто строгим родителем, а монолитом, непробиваемой стеной из вековых устоев и железной воли.

- Обсуждение окончено. Через неделю Одинцовы приезжают к нам на ужин. Ты будешь любезна, одета прилично и будешь вести себя соответственно. Ты поняла меня?

Он ждал покорного кивка. Молчания. Капитуляции. Я тоже встала. Стол между нами был словно пропасть, выкопанная годами.

- Я поняла только одно, – сказала я тихо, собирая свою сумку. – Что пить кофе дома я больше не могу.

Я вышла из кухни, оставив их там – его в клубках гневного дыма, ее с бессильно опущенными руками. В прихожей, надевая пуховик, я услышала приглушенный голос матери:

- Что же мы вырастили, она совсем от рук отбилась

Ответа отца я не разобрала, да мне уже было и не важно.

Дверь захлопнулась за мной с окончательным, шелкающим звуком. На улице снег почти прекратился, оставив после себя чистый, холодный воздух. Я шла, не разбирая дороги. Где-то внутри все дрожало от столкновения – как будто я на полном ходу врезалась в бетонную стену, но почему-то продолжала стоять на ногах. Было страшно. Было горько. Но сквозь этот ком в горле пробивалось иное чувство – острое, колющее, почти запретное. Чувство свободы. Страшной, по-

тому что неизвестной. Но – своей.

Они думали, что это конец разговора. Для меня он только начинался. Ужин с Одинцовыми? Пусть приезжают. Пусть отец показывает своего «перспективного» жениха. У меня была целая неделя. Семь дней, чтобы найти способ отстоять не абстрактную «любовь», о которой они с таким презрением говорили, а свое право выбирать. Хотя это и казалось сейчас задачей, сравнимой со штурмом крепости.

Я вышла на набережную. Дрожь в руках не утихала, но теперь я понимала ее природу — это была не истерика, а ток, бегущий по проводам после долгого замыкания. Нужен был план. Не романтический побег, а стратегия. Они играли в шахматы, расставляя фигуры на доске моей жизни. Значит, и мне предстояло научиться правилам.

По дороге встретила свою одноклассницу Алину.

Мы попили кофе в местной кофейне, сначала говорили ни о чем. А потом я ей рассказала, что у меня происходит.

- Игорь Одинцов? – ошарашенно смотрела она на меня –

Беги от него

- Почему?

- Ты вот как была ни от мира сего, так и осталась – Алина покачала головой – он же местный псих, как и его папаша. Власть меняет людей и не в лучшую сторону. Ты в курсе что он крышует местные бордели?

Я отрицательно покачала головой.

- Так вот, я знаю одну девочку, она там работает. Она го-

ворит что эти Одинцовы ходят вместе к этим девочкам. Прикинь! И такоооо там вытворяют, что девочек потом на скорой увозят.

- Какой кошмар – я закрыла лицо руками

- Ой, Яра, беги.

На следующий день, вместо университета, я поехала в районную юридическую консультацию. Маленький кабинет с запахом пыли и старой бумаги. Адвокат, немолодая женщина с усталым, умным взглядом, выслушала меня, не перебивая. Ее вопросы были четкими и деловыми: «Совершеннолетняя? Работаете? Имеется ли ваша собственность?» Мир чувств здесь не значил ровно ничего, и в этой сухой констатации фактов была странная опора.

Она объяснила, что никто не может принудить к браку, а финансовое давление — это манипуляция. Ее слова не решали всех проблем, но превращали мой бунт из эмоциональной вспышки в правовое поле. Я вышла от нее с листком, где были написаны номера статей и адреса кризисных центров. Это было оружие, тяжелое и негероическое, но настоящее.

В тот же вечер я позвонила своей подруге Кате, которая два года назад сбежала из родного города в Петербург, работая официанткой.

- Приезжай - сказала она просто, без лишних расспросов - Диван есть. Работу найдем. Сначала будет чертовски тяжело, но потом все выровняется.

Ее голос, хрипловатый от сна, был самым убедительным

доводом против отцовских «перспектив». Это был путь без гарантий, вымощенный не связями, а собственной упрямой волей.

Я согласилась. Мы положили трубку, и я села составлять резюме.

Диплом историка, навыки работы с текстами, курсы копирайтинга — глядя на этот список, я впервые увидела не «сказки», как говорил отец, а конкретные, пусть и скромные, инструменты для выживания.

Оставшиеся до ужина дни я провела в тихой, методичной подготовке. Упаковала самый необходимый чемодан.

Документы, немного денег, скопленных за годы репетиторства, старый ноутбук. Мама заметила моё странное спокойствие и пыталась заговорить, но я уходила от разговоров, ссылаясь на занятия.

Её тревога росла, а моя решимость крепла. Я больше не злилась. Я констатировала. Они выбрали свою позицию, я теперь выбирала свою. Эта внутренняя отстраненность была страшнее любых сцен — я будто мысленно уже переехала, оставив в родительском доме только свое молчаливое, неподатливое подобие.

Вечер перед визитом Одинцовых я встретила за учебником по истории. Звук заведенного под окном дорогого автомобиля возвестил об их прибытии. Я услышала внизу взволнованные голоса, звон хрусталя. Встала, подошла к зеркалу. Надела простое темное платье — «прилично», как и требо-

валось. Но выражение лица было моим, новым, чужим для этих стен. Не дерзким, а спокойным. Непокорным, но не вызывающим. Я глубоко вдохнула. Этот ужин был не смотр невесты. Это была моя последняя черта, которую я провела для них, прежде чем переступить порог.

Выйти из своей комнаты и дойти до другой, казалось движением в другую физическую реальность. Каждый шаг отдалял меня от комнаты с учебником и приближал к гулу чужого праздника. Я остановилась в коридорчике, позволив последней волне адреналина рассеяться. Затем открыла дверь.

В гостиной все было как в тщательно поставленном спектакле.

Отец в новом пиджаке, мама с напряженной улыбкой.

Одинцовы — отец и сын — занимали центр комнаты, словно два источника разного давления.

Старший, генерал-лейтенант, владелец автомобиля под окном, оценивал пространство взглядом аукциониста. Его сын, майор, тот потенциальный «жених», был точной, но более бледной копией: правильные черты лица, правильная улыбка, правильная пустота в глазах. Он увидел меня первым. Его взгляд скользил по платью, фиксировался на лице, и в нем не было интереса — лишь проверка соответствия предварительному описанию.

Ужин начался с привычного ритуала. Мама лихорадочно раскладывала угощения, отец произносил тосты о «прекрасном будущем» и «крепких союзах». Одинцов-старший

вставлял комментарии о рынке, инвестициях, о том, как важно иметь надежный тыл.

Я ела медленно, чувствуя, как каждое их слово не приклеивается ко мне, а соскальзывает, как от гладкой холодной поверхности. Мой молчание они приняли за естественную скромность девушки. Это была их ошибка.

Когда речь зашла о «моих планах», я положила ложку и посмотрела прямо на старшего Одинцова.

- Мои планы уже определены, — сказала я четко, без повышения тона. — и в эти планы не входит ваш сын и брак с ним.

В комнате возникла та особая тишина, когда звук обрывается не постепенно, а сразу. Отец побледнел. Мама замерла с салфеткой в руке. Одинцов-сын оторопело уставился на меня, а потом в его глазах зажегся интерес. И вот тут мне стало страшно. Он словно охотник, почуявший добычу.

- У меня тоже были планы без вас, Ярослава. Но вот именно в эту секунду я их поменял. Мы поженимся, слово майора

Одинцов старший и мой отец рассмеялись, а мне стало дурно.

Я встала

- Извините, мне нужно подготовиться к занятиям.

Мой уход был бегством, и все за столом это поняли.

Только вот до комнаты я добраться не успела. Сзади меня грубо толкнули прямо к стене.

- Сбежать решила, мышка

- Отпусти - прохрипела я, и мне тут же зажали рот рукой

- Тшшш, разве я давал разрешения говорить? Ты очень сладкая – я почувствовала, как Одинцов начинает задирать мне платье – может прямо тут а? твои пока заняты.

Я вывернулась и лягнула его.

Он ослабил хватку, я влетела в комнату и закрыла дверь

За дверью послышался раскатистый смех Одинцова.

- Люблю ломать таких, поиграем мышка?

Раздался голос отца и послышались удаляющиеся шаги.

Закрыв дверь в свою комнату, села на кровать. Сердце билось, как сумасшедшее, руки были влажными.

Внизу еще час шел приглушенный, теперь чисто деловой разговор, потом — звук уходящего двигателя.

Затем отец грубо открыл мою дверь. Он говорил об обязанностях, о благодарности, о позоре. Я слушала, глядя в окно на ночной зимний пейзаж.

Когда он ушел, я взяла телефон. Открыла сайт поиска работы в Петербурге. Это был следующий пункт плана. Все, что происходило теперь, было лишь постскриптумом к той жизни, которую они для меня планировали.

Моя уже началась.

Глава 2

- Привет – в трубке раздался голос подруги Олеси, которая работала в нашем аэропорту.

- Привет

- Яра, тут такое...в общем на твой билет пришел отказ

- Не поняла?

- По запросу из полиции твой билет до Питера заблокировали, ты не сможешь вылететь третьего января.

Холодок прошелся по спине. Одинцов...вот же...

- Яр, и это...если что...я тебе не говорила...тут код красным горит...

- А что это значит?

- То, что ты не должна об этом знать. И узнаешь в день вылета

- Блин, поняла. Спасибо подруга

- У тебя все хорошо?

- Да, норм. Не переживай

Я положила трубку, и тишина в квартире стала густой и звенящей. Холодок по спине превратился в тяжелый лед где-то под ребрами. "Код красным горит". Олеся рисковала, сказав это. Значит, все серьезно. Серьезнее, чем я могла предположить. Одинцов действовал быстро и без шума, через полицию. Он даже не стал звонить сам.

Я стояла посреди комнаты, глядя на экран телефона, кото-

рый только что был связью с миром, а теперь казался просто куском пластика и стекла. Третьего января. До вылета оставалось чуть больше недели. Я медленно обернулась, взглядом обводя свою комнату – стеллажи с книгами, диван со сбитой подушкой, чемодан у шкафа. Все это внезапно выглядело как декорации, как чья-то чужая жизнь. Жизнь, в которой я уже не участвовала.

Мой план был прост и, как мне казалось, умен. Не удивлюсь если и мои родители в этом замешаны. Ну что же...

Я подошла к окну. За ним был обычный зимний вечер, темный и холодный. Снег медленно падал в свете фонарей. Я чувствовала себя рыбой в аквариуме, за которой пристально наблюдают из темноты.

Адреналин, сначала острый и горький, начал медленно оседать, превращаясь в холодную, методичную ясность. Паника не имела смысла.

Я потянулась к ноутбуку, но остановилась. Проверять электронную почту, банковские счета – все это было теперь опасно. Вместо этого я взяла с полки старую бумажную карту России. Провела пальцем от нашего города на юге до Питера. Далекое. Слишком очевидно. Потом мой палец пополз на восток. Поезда. Автобусы. Дороги.

Я действовала почти на автомате. Вытащила из-под кровати старый, потертый спортивный рюкзак. Не чемодан на колесиках, который кричал о путешествии, а именно рюкзак, как у студента-автостопщика. В него полетело самое необхо-

димое: теплый свитер, смена белья, базовые средства гигиены.

- Ярослава, завтра едем к бабушке за город. Она ждет. –
мама постучала в комнату

Точно они заодно. Они знают про мой билет. Решили бить исподтишка? Спасибо Олеся.

- Да, хорошо – откликнулась я

В четыре утра, когда сон у человека особенно крепкий. Я вышла из квартиры.

Родителям оставила записку, что мои планы и их планы расходятся. Я уезжаю в другой город и позвоню как доберусь.

До автовокзала добралась пешком. Жили мы рядом. Взяла такси до соседнего городка. И через час была уже на другом железнодорожном вокзале.

На сонном вокзале я сидела и смотрела просто в одну точку. Почувствовав краем глаза, что ко мне кто-то подсел, повернула голову.

- Привет – рядом со мной сидела молодая женщина

- Привет

- Прости, что я вот так подсела. Просто...я убегаю от мужа...мне нужна помощь

- Какая? – я вся подобралась

- Можно билет до Москвы взять на твой паспорт? Просто он искать будет...

- Тогда по твоему паспорту я возьму до Питера – ответила ей

Она улыбнулась, но как-то грустно

- Тоже бежишь?

- Есть такое

Она молча достала свой паспорт и протянула мне
Улыбнувшись, я протянула ей свой.

У заспанного мужчины в кассе мы купили билеты.

- Думаешь в поезде не заподозрят? – спросила у нее

- Мы с тобой чем-то похожи. В поездах они на фото обычно не смотрят. Только паспорт с билетом сравнивают.

- Ну... тогда рискнем

На рассвете мы расстались у разных платформ. Она – на московский поезд, я – на питерский, но с ее фамилией в билете.

Легкое головокружение от этой аферы смешалось с горечью: мир полон бегущих женщин, меняющих личности, как перчатки.

Поезд тронулся в предрассветной синеве. Я заняла верхнюю полку, отвернулась к стене и притворилась спящей.

Проводник проверяла документы на рассвете. Она кивнула, бегло сравнив лицо с фотографией в чужом паспорте, и двинулась дальше. Слабая волна облегчения накатила и отхлынула. Это был лишь первый рубеж.

В Питере я решила не ехать к Кате, по крайней мере пока. Деньги, наличные, которых у меня было немного, нужно было растянуть надолго.

За окном проплывали леса и поля, укутанные в белизну.

Это был уже чужой, северный снег.

Никогда бы не подумала, что рискну провернуть такую аферу с паспортом. Мы обменялись адресами, и заверили друг друга что по приезду вышлем наши паспорта друг другу обычным письмом через почту.

Поезд прибыл на Ладожский вокзал под вечер. Я вышла в серый, пропитанный запахом дизеля и мороза воздух. Петербург встретил меня равнодушной, чужой суетой. Я затерялась в толпе, двинулась к метро, но села не в первый подошедший вагон, а в следующий. Старалась не смотреть в глаза, не выделяться скоростью шага. Без чемодана, с потрепанным рюкзаком, я была просто одной из многих студентов — так, по крайней мере, хотелось думать.

Я нашла недорогой хостел в районе Васильевского острова, сняла койку в женском шестиместном номере на трое суток. Деньги таяли на глазах. Первую ночь почти не спала, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре. Утром купила самый дешевый телефон с предоплаченной сим-картой. Старый, с заряженной батареей, положила на дно рюкзака — выбросить рука не поднималась, но включать его больше не могла. Только отправила маме сообщение. Что я в Москве и со мной все хорошо.

Позвонила Кате с нового номера, сказала, что приехала, но пока не готова встретиться. В ее голосе была тревога, но она не стала давить.

На третий день я вышла из хостела и пошла без цели. Нуж-

но было думать, что дальше. Работа, жилье, новые документы — все это висело тяжелым грузом. Я шла по набережной, глядела на застывшую Неву и серое небо, и чувство нереальности не отпускало. Я была призраком в этом городе, женщиной с чужим именем в кармане и страхом, плотно сидящим под лопатками. Я проверяла почтовые отделения на карте — скоро нужно будет отправить паспорт той девушке, Марине. Этот простой, казалось бы, поступок теперь был целой рискованной операцией, связью с прошлым, которая могла тянуться, как ниточка.

Вечером, вернувшись в хостел, я обнаружила, что моя койка занята новенькой. Девушка улыбнулась мне виновато. Администратор, пожимая плечами, предложил переселиться в смешанный зал.

Мир снова напоминал, что у меня нет здесь своего места, даже условного. Я забрала вещи и вышла в промозглый вечер. Снег с дождем сек лицо. Я шла по улице, и внезапно, с обжигающей ясностью, поняла: бегство — это не разовое действие. Это состояние.

И мне только предстояло научиться в нем жить. Оглянуться нельзя. Остановиться — значит позволить этому холодку под ребрами настичь себя. Я ускорила шаг, растворяясь в потоке чужих людей, поднимающихся из метро.

Глава 3

Егор

- Два дня, Арсений. Мы ищем ее уже два дня. Какого хрена?

- Слушай, у меня и так работы до ж...прости...много в общем. Еще мама Максика постоянно на меня скидывает, пока работает.

- Так – я растер лицо руками – где мы ее потеряли?

- От того перехода, где она тебя случайно коснулась., она прошла в метро, а потом вышла на станции Площадь восстания...а там уже камера не работает. И на видео ее плохо видно.

- Все плохо. Арс, все плохо.

Где же тебя искать? Как видение, коснулась и исчезла.

- Площадь Восстания... - я пробормотал, глядя на потолок. - Там же кроме метро целая паутина переходов, торговых центров. Она могла уйти в любой из них. Или выйти на поверхность. Или сесть в первую попавшуюся маршрутку. Чёрт.

- Вот именно - Арсений шумно выдохнул - Я там два дня кружил. Спрашивал у продавцов в переходах, у газетчиков. Никто не помнит. Девушка в чёрной куртке, русые волосы -

их там сотни проходят каждый час. Она растворилась в толпе. Будто и правда призрак.

Я откинулся на спинку стула. В висках стучало. Это касание на переходе, мимолётное, случайное... Оно жгло, как клеймо. Я тогда даже не разглядел её лица - лишь мелькнувший профиль, запах дождя и ещё чего-то, чего не мог определить. А потом пустота в груди, ощущение, будто кто-то выключил свет. И теперь эта навязчивая мысль, что найти её, не прихоть, а что-то жизненно важное.

- Надо идти системно - сказал я, больше себе, чем Арсению - Снимаем все камеры вокруг площади в радиусе километра. Магазины, банки, светофоры. Смотрим все выходы с той ветки метро за тот час.

Арсений тяжело поднялся

- Ладно. Попробую ещё раз поговорить с охраной. И проверю расписания дежурств уборщиц в переходах, они иногда больше всех видят. Только, чур, это последний круг.

Я кивнул, не споря. Он был прав. Это начинало смахивать на безумие. Искать незнакомку неделю, основываясь на смутном чувстве. Но каждый раз, закрывая глаза, я снова чувствовал это лёгкое прикосновение к руке и видел её спину, удаляющуюся в толпе. Она была реальной. И где-то здесь. Оставалось только понять, в каком именно слое этого огромного, равнодушного города она сейчас существует.

Ярослава

Я все-таки перебралась к Кате. Так как деньги закончились.

- Яра, тут письмо лежало в ящике, адресовано тебе

Я открыла конверт. Там лежал мой паспорт и простая записка, в которой было написано только одно слово «Спасибо».

- И тебе спасибо – прошептала я – Катя, мне нужна работа и срочно.

- Может тебе пойти учителем истории в школу?

- Нет, мне надо где можно работать не трудоустраиваясь. Я слиняла у Одинцова из-под носа. Он так просто это не оставит

- И что? Будешь бегать от него всю жизнь? – Катя приподняла бровь

- Нет, но как можно дольше, а там может он и интерес ко мне потеряет.

- Ну...тогда даже не знаю. Можно устроиться курьером, или...

- А может в то кафе где ты работаешь? Я могу посуду мыть

Катя замолчала. Было видно, что она не особо горит желанием, чтобы я работала вместе с ней.

- Я спрошу завтра у старшего менеджера

- Спасибо – я искренне улыбнулась Кате, хотя понимала, что скорее всего она не будет спрашивать.

На следующее утро Катя ушла на работу, оставив меня одну в ее маленькой квартире. Я сидела на кухне с кружкой

оставшего чая и смотрела в окно на серый двор-колодец.

Я не могла сидеть и ждать. Обзвонила несколько объявлений о курьерской работе. Везде требовали официальное трудоустройство или, как минимум, копию паспорта. Мой документ, теперь лежавший на столе, будто жалил при взгляде. К обеду настроение окончательно свалилось в беспросветную яму. Я понимала, что, Катя права: бегать всю жизнь — не вариант. Но сейчас нужно было просто выжить, протянуть немного, чтобы прийти в себя и подумать.

Вечером Катя вернулась усталая и насупленная. Она швырнула сумку на стул и, не глядя на меня, принялась разогревать ужин.

- Ну что, спросила? - не выдержала я.

- Спросила, - коротко бросила она, помешивая макароны на сковороде. - Вакансий нет.

Она произнесла это с таким видом, будто дело было не в политике кафе, а в моей личной неудаче. Воздух между нами стал густым и неудобным. Я кивнула, делая вид, что верю ей. Верить не получалось. Было ясно как день: Катя не хочет видеть меня рядом на работе.

Возможно, боится проблем, возможно, просто не хочет смешивать подругу и работу. А может, моя история с Одинцовым ее пугала сильнее, чем она готова была признаться.

- Ладно - тихо сказала я - Придумаю что-нибудь еще.

Мы ели молча. Потом Катя, будто извиняясь, рассказала, что ее знакомая работает в цветочном ларьке и, возможно,

ей нужна подмена на выходных.

Я поблагодарила, чувствуя, как эта соломинка становится моим единственным шансом.

После ужина я заперлась в ванной, долго стояла под теплым душем, стараясь смыть с себя это липкое чувство зависимости и страха.

Утром, я отправилась ходить по всем цветочным ларькам, магазинчикам и просто спрашивала работу.

Весь день я проходила по городу. Сейчас новогодние праздники и особо работы нет.

Уставшая и оголодавшая, я зашла в кофейню и заказала большую кружку капучино и булочку.

Я сидела за столиком у окна и просто смотрела на улицу, на людей, которые кутались в шарфы и шапки, на снег, который снова повалил огромными хлопьями.

В свете новогодних гирлянд и неоновом освещении города, все выглядело будто в сказке.

В ближайшем банкомате я проверила свои карты. Как и ожидалось, все заблокировано.

Мдааа, денег осталось еще на три чашки кофе и пару поездок. Что делать дальше?

Я допила свой кофе до конца, ощущая каждую последнюю каплю как маленькое поражение. Булочка казалась слишком сухой, но я медленно съела ее, растягивая этот скромный ужин. Выходить на холод не хотелось, но оставаться здесь и платить за еще одну чашку — было непозволительной рос-

кошью.

Я собралась и вышла на улицу. Снег хрустел под ботинками, ветер пробивал даже сквозь куртку. Я решила идти к тому цветочному ларьку, где работала знакомая Кати.

Ларек оказался закрыт, на витрине висело объявление «Уехали на праздники». Я просто стояла перед ним, чувствуя, как надежда окончательно вытекает из меня, оставляя внутри холодную, пустую тяжесть.

На обратном пути я увидела небольшую пекарню с ярким светом и паром от свежей выпечки в окне. За стеклом девушка в ярком фартуке упаковывала пирожки. Не думая, я зашла внутрь. Запах теплого хлеба и корицы обволок меня, как физическое утешение.

- Вам работники не нужны? - спросила я напрямую у девушки, пытаюсь сделать голос тверже.

Она посмотрела на меня с легким недоумением, потом покачала головой.

- Все сами

Я купила самый дешевый пирожок с картошкой, просто чтобы еще немного задержаться в этом тепле.

Когда я вернулась в квартиру Кати, она уже спала. Я тихо прошла в комнату, села на свою раскладушку и развернула пирожок. Он был уже холодным и казался безвкусным.

Я легла и закрыла глаза. Завтра нужно будет снова идти и спрашивать. Возможно, в какие-то другие пекарни, в магазины у метро, предлагать помощь за копейки в любом месте,

где не требуют документов. А потом, когда денег останется только на один пирожок, придется думать о другом.

Возможно, вернуться домой? Но эта мысль вызывала такой спазм внутри, что я буквально сжалась на узкой кровати. Нет, пока нет. Пока еще есть эти три чашки кофе впереди. Пока еще можно выбирать.

Глава 4

Утром Катя молча, не говоря и слова, умылась, позавтракала и убежала на работу.

Я понимала, что мое присутствие ее тяготит. Нужно срочно искать работу и жилье. Можно конечно обратиться в банк, выяснить почему мои карты заблокированы. Но я прекрасно понимала, что как только я туда приду, через несколько дней Одинцов будет в городе.

Убравшись в квартире, я вышла на морозный воздух и просто побрела по улице. Ближе к обеду, ноги уже болели, а желудок сводило от голодного спазма. У Кати сейчас как раз обеденный перерыв. Я решила зайти к ней на работу и откровенно поговорить.

Переступив порок бара с интересным названием «Волчье сердце» я, словно, оказалась в средневековье. Бар-ресторан был великолепен. Сочетание темного дерева и камня создавали ощущения временной петли. Словно ты только что прошел сквозь время.

Сдав в гардероб свою куртку и шапку, несмело шагнула в зал.

- Добрый день, могу я предложить вам столик? – молодой парень, официант подошел ко мне так бесшумно, что я вздрогнула.

- Я бы хотела просто выпить кофе, за барной стойкой мож-

но?

- Да, конечно, проходите

Меня провели к бару. Молодой, симпатичный бармен спросил какой кофе и принялся выполнять заказ.

Я вертела головой рассматривая убранство этого заведения и улыбалась, от того что мне все тут нравится.

Взяв чашку с благоухающим кофе, я устроилась на высоком барном стуле и продолжила осматриваться.

В дальнем углу зала, возле камина, я заметила Катю. Она разговаривала с мужчиной в строгом костюме, вероятно, с управляющим. Ее лицо было сосредоточенным, профессионально-вежливым, но в уголках глаз читалась усталость. Я не стала сразу к ней подходить, решив подождать, пока она освободится.

Кофе был горячим и крепким, он понемногу прогонял внутренний холод. Я пыталась собрать мысли в кучу, репетируя в голове слова для разговора.

Нужно было извиниться за нежданное вторжение в ее жизнь, объяснить ситуацию и пообещать, что это ненадолго.

Самое трудное — попросить помощи в поисках работы здесь, в этом городе, где у меня нет ни одной знакомой души, кроме нее.

Катя, закончив разговор, направилась в мою сторону.

- Ты как тут? - спросила она, подойдя ближе.

- Зашла выпить кофе. И поговорить. Если ты не очень занята.

Она взглянула на часы.

- У меня пятнадцать минут. Пойдем в подсобку.

Она села рядом со мной.

- Кать, прости что вот так свалилась со своими проблемами и сижу на твоей шее. Я ищу работу, каждый день. Но пока безрезультатно. Но я стараюсь правда.

Катя молчала, прости смотрела куда-то мимо меня и молчала.

- Кать...поговори со мной. У меня в этом городе никого кроме тебя нет.

- Екатерина – раздался мужской голос за моей спиной – Светлана не вышла на работу, можешь взять ее столики для обслуживания?

- Егор...Эдуардович...конечно, не беспокойтесь

Взгляд Кати тут же сменился с раздраженного, на заискивающий.

Я развернулась и увидела высокого молодого мужчину, ну как молодого...на вид лет тридцать пять-сорок. Он стоял возле другого конца барной стойки и смотрел в бумаги.

- Ваш управляющий? – спросила я шепотом у Кати

- Хозяин этого заведения – так же прошептала она – Яриди ищи работу – она спрыгнула с барного стула и побежала в зал.

Я осталась одна, с половиной чашки кофе и ощущением, что наш разговор был грубо оборван. Но не Катей — этим властным голосом.

Егор Эдуардович. Хозяин. Я наблюдала, как Катя, уже с профессиональной улыбкой, принимала заказ у нового столика. Она двигалась быстро и эффективно, но каждый ее жест казался мне теперь заученным и напряженным.

Выходить на улицу, в холод, не хотелось. Я допила кофе, медленно, растягивая время. Бармен, заметив мое состояние, предложил еще чашку, но я лишь покачала головой.

Мне нужно было думать, а не сидеть здесь, наблюдая за тем, как жизнь Кати проходит под чужой командой.

Решение пришло внезапно и с отчаянной решимостью. Я поднялась и направилась к тому мужчине - хозяину. Он все еще изучал какие-то отчеты у барной стойки.

- Егор Эдуардович? — произнесла я, стараясь сделать голос твердым.

Он оторвал взгляд от бумаг, оценивающе посмотрел на меня.

- Я бы хотела попросить вас о работе. На любую должность. Я умею работать и мне нужно начать как можно скорее.

Он не ответил сразу, а отложил папку. Его взгляд был холодным и анализирующим.

- У вас есть опыт в обслуживании? В баре или ресторане?

- Опыта нет. Но я научусь быстро - Я чувствовала, как под его взглядом иссыкает вся моя храбрость.

- "Волчье сердце" место для профессионалов - сказал он, и его тон был окончательным - Мы не проводим курсы для

новичков. Попробуйте где-то еще.

Я стояла, чувствуя, как жар отчаяния разливается по щекам.

Он уже повернулся к бармену, давая какие-то указания, явно считая разговор законченным.

Но я не двинулась с места.

- Тогда позвольте мне хотя бы оставить вам свое резюме?

- почти выдохнула я.

Егор Эдуардович медленно обернулся. В его взгляде появилось что-то - не интерес, скорее легкое раздражение от назойливости.

- Оставьте его у бармена. Если появится что-то! для неквалифицированного персонала, мы рассмотрим.

Это была не надежда, а крохотная щель. Я поблагодарила, голос звучал глухо, и быстро направилась к выходу.

В гардеробе я взяла свою куртку, но шапку забыла.

Выйдя на улицу, осознала свой промах с шапкой. Постояла пару минут на холоде, просто чтобы в голове навелся порядок.

Мимо мен проскочил высокий молодой парень, немного зацепив меня.

- Простите – он улыбнулся и забежал в бар

Я кивнула в ответ и вошла за ним, понимая, что шапку надо забрать. Когда подошла к гардеробу, то увидела этого парня и Егора Эдуардовича.

- Егор, мама отправила к тебе. Сказала теперь я и Аня

будем помогать тебе, если ты конечно не против.

- Кто я такой, чтобы идти против вашей мамы – хохотнул

Егор Эдуардович

- И это... в общем мама сказала, что собирается устроить праздник и простит твоей помощи. Она хочет провести его здесь.

- А мне позвонить ваша мама не пробовала?

- Она звонила, говорит ты трубку не берешь

Егор Эдуардович достал из заднего кармана телефон и тихо выругался

- Забыл звук включить

- Когда праздник?

- Завтра

- Завтра? Матвей, у меня одна официантка заболела, другая ходит как сонная муха. И одна посудомойщица даже с двумя посудомоечными машинами не справится с таким объемом.

- Ну... мы поможем

Я нарочито громко поблагодарила гардеробщика за шапку и развернулась к выходу.

- Девушка – меня окликнул Егор Эдуардович и я улыбнулась – подождите

Развернувшись, смотрела как мужчины приближаются ко мне.

- Вы работу искали. Завтра будет мероприятие в баре. Нужны дополнительные руки. Посуды мыть будете?

- Конечно – я кивнула

- Отлично, тогда если вы не торопитесь, пойдёмте я покажу где кухня и как в нее попасть с черного входа. И фронт работы, чтобы завтра не отвлекаться на вас. Расчет будет сразу, по окончании рабочего дня. Но сразу предупреждаю, закончится он поздно.

Я ликовала про себя и просто кивала.

Глава 5

Катя вечером не пришла домой. Я ночевала одна. Но наверно это и к лучшему.

Вчера Егор Эдуардович все мне показал, рассказал. Познакомил с охранником, который дежурит у черного входа. Познакомил с работниками кухни и сказал, что я временный работник на время банкета.

Прибыть на рабочее место мне предстояло ближе к обеду. У меня спросили про санитарную книжку, и вот тут вышла заминка.

- Завтра утром приезжай вот по этому адресу. Тут наша поликлиника, у тебя возьмут анализы и срочно сделают тесты. Санитарную книжку, если все в порядке, выдадут через пару часов. Поняла. Вот пропуск, оставишь на посту охраны. Он разовый.

Я кивнула и вот наступило утро. Я села в метро и полетела к указанному адресу.

Поликлиника выглядела современной и навороченной. Главный вход с колоннами из бетона и стекла.

На входе у меня попросили пропуск и подсказали куда идти.

Я прошла внутрь, и меня охватил стерильный холод. Воздух пахнул антисептиком и чем-то еще, едва уловимо-сладковатым. По белым, отполированным до зеркального блеска

коридорам мягко скользили люди в медицинских халатах.

Меня направили в кабинет 214. Ожидание заняло не больше пяти минут, что было удивительно.

Медсестра, немолодая женщина с усталыми глазами, провела меня по списку стандартных процедур. Все делалось быстро, без лишних слов, будто на конвейере. Укол, мазки, бумажки.

После сдачи анализов меня попросили подождать в небольшой комнате с пластиковыми креслами и журналами про здоровое питание.

Время текло медленно. Я пыталась не думать о Кате, о том, куда она могла пропасть. Вместо этого разглядывала идеальные стены и думала о том, как много ресурсов вложено в это место. Оно не походило на обычную поликлинику.

Дверь комнаты ожидания открылась и медсестра принесла мне чай и булочку.

- Вы же приехали натошак. Надо подкрепиться

- Огромное спасибо – прохрипела я, удивляясь все больше и больше

Примерно через два часа меня вызвали.

В кабинете за столом сидел врач, мужчина лет пятидесяти, изучавший мои результаты на планшете.

Он поднял на меня взгляд, кивнул.

- Все в порядке. Патогенов нет. Книжку изготовят через сорок минут. Подождите в холле на первом этаже, книжку выдадут на проходной

Его тон был ровным, профессионально-безразличным. Облегчение, которое я почувствовала, было теплой волной. Значит, хоть что-то сегодня идет по плану.

Через положенное время мне вручили новенькую, с голограммой, санитарную книжку. Я положила ее в сумку, ощущая этот маленький пластиковый прямоугольник как пропуск в другую, неизвестную часть жизни. Пора было ехать на работу.

У черного входа, уже знакомый мне охранник кивнул, улыбнулся и открыл двери.

Я прошла к гардеробу для сотрудников, разделась и встретила взглядом с тем самым парнем.

- Привет, я Матвей

- Привет, Ярослава

Я протянула руку. Он улыбаясь пожал ее.

- Все получилось с книжкой?

- Да, вот

Матвей, просмотрел книжку, кивнул и вернул мне ее обратно.

- Все в порядке, можешь приступать к работе. Егор вчера все объяснил? С Людмилой познакомил?

- Да, мне вчера все рассказали и показали.

- Ну и отлично.

Матвей развернулся и вышел из кухни. Ко мне подошла пожилая женщина Людмила и потянула за собой.

Моечная была отделена от кухни. В огромное арочное ок-

но ставили грязную посуду официанты, мы забирали ее и мыли. Сухую оставляли в другом окне, оттуда ее забирал помощник повара.

Пока поток грязной посуды был маленьким, Людмила мне все показала и рассказала. Разные сушки для разной посуды. Сковороды и кастрюли нужно было загружать в посудомоечную машину, чтобы не тратить на них время.

Мне выдали резиновые перчатки, моющее средство, сменную обувь и фартук, показали у какой раковины я мою посуду.

Нам принесли обед. Людмила сказала, что сотрудники питаются на рабочем месте бесплатно. Это было так кстати. Потому что денег у меня не осталось совсем. Даже на проезд в метро не хватит.

Поэтому плотно пообедав и поблагодарив поваров за вкусный обед, я приступила к работе.

Работа закипела. Вечером поток грязной посуды просто был огромным. Ноги гудели от усталости.

Катю я видела только мельком в окне по приемке грязной посуды. Она, увидев меня, замерла на несколько секунд. В ее взгляде я увидела раздражение и злость.

Взгляд Кати был как удар током. Я машинально опустила глаза в раковину, сжимая в перчатках тарелку, будто пытаюсь сломать ее. Когда снова рискнула поднять взгляд, ее уже не было. Только стопка грязных бокалов, осторожно поставленная официантом. В ушах гудело от шума воды, пара и гро-

хота посуды, но внутри воцарилась ледяная тишина. Зачем ей злиться? Потому что я здесь? Или потому что случилось что-то еще, о чем я не знаю?

Работа продолжалась автоматически. Руки двигались, спина ныла, но мысли крутились вокруг этой секунды контакта. Злость Кати была не просто раздражением – в ней читалась тревога, почти предупреждение. Людмила, заметив мою рассеянность, хлопнула меня по плечу мокрой рукой

- Эй, красавица, не засыпай! Конвейер не ждет

Я кивнула, заставив себя улыбнуться.

Банкет, судя по количеству посуды, подходил к концу. Поток постепенно ослабевал. Мы с Людмилой уже мыли последние подносы, когда в моечную зашел Егор Эдуардович.

Он окинул взглядом чистые стеллажи и кивнул, довольный:

- Нормально. Завтра в это же время. Если конечно тебе нужна работа

- Нужна – я кивнула
- Вот расчет за банкет. Ты молодец, вижу Людмила одобряет

Я повернулась к женщине. Она улыбалась.

- Хорошая девочка, ответственная и не болтает по пустякам

Егор Эдуардович хохотнул, развернулся чтобы выйти, а потом застыл на месте

- А ты где живешь?
- У метро «Площадь Восстания»

- Метро уже закрыто...пошли я подвезу тебя.

- Я...мне неудобно...я на автобусе доеду?

- В три часа ночи боюсь ты не найдешь автобуса. Просто Людмила живет напротив, а автобус для сотрудников ушел полчаса назад. Поэтому поехали, подброшу тебя.

- Спасибо

Я кивнула Людмиле, и кинулась быстро переодеваться.

Я последовала за Егором Эдуардовичем к служебному выходу. Его машина была неожиданно скромной, обычным седаном темного цвета.

Он включил двигатель, и мы выехали из двора на пустынную ночную улицу.

В салоне было тихо, только шум моторов редких встречных машин. Егор Эдуардович не задавал вопросов, и я не решалась говорить. Я просто смотрела на освещенные окна спальных районов, чувствуя странное облегчение от того, что день закончился и я не осталась без денег и транспорта.

- Площадь Восстания - сказал он, когда мы приблизились к станции - Где именно?

Я указала на дом, и он остановил машину прямо у подъезда.

- В этом доме вроде живет Екатерина, официантка

- Да, я живу пока у нее. Спасибо, что подвезли

- Почему она не сказала, что ты живешь с ней? Я бы задержал рабочий автобус, чтобы дождалась тебя.

Мои щеки предательски запылали. Я не знала, что сказать

на это.

- Она просто не знала, что я тут временно устроилась. Мы не виделись... - пролепетала я откровенную ложь

Он смотрел внимательно, оценивающе и, как мне показалось, в его взгляде промелькнуло... разочарование

- Спасибо, Егор Эдуардович - пробормотала я, открывая дверь

Он кивнул и ничего не сказал.

Я вбежала в подъезд и поднялась на второй этаж. Только вот возле двери меня ожидал неприятный сюрприз. Дверь была закрыта изнутри на щеколду, а в подъезде стояла моя сумка с вещами.

Я постучала в двери.

- Катя, открой

Я слышала, как она подошла к двери

- Катя... что происходит?

- Уходи, Яра, просто уходи – проговорила она из-за двери – все твои вещи в твоей сумке.

- И куда я пойду в три часа ночи?

- Твои проблемы – зло бросила она и отошла от двери

Глава 6

Стояла и смотрела на эту дверь, чувствуя, как холод от кафельного пола поднимается по ногам, а внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок.

Злости не было, только пустота и усталость, проваливающиеся куда-то глубоко. Я взяла свою сумку, и медленно пошла вниз по лестнице. Шаги гулко отдавались в подъездной тишине.

Ночь встретила меня сырым ветром, снегом и полным безлюдьем. Фонари отбрасывали на асфальт длинные, искаженные тени. Я села на холодную лавочку у подъезда, положив сумку между ног. Думать было не о чем. Вариантов не было.

В кармане лежали деньги за сегодняшнюю смену — несколько бумажек, за которые я вымоталась вдрызг, но которая теперь была всем, что у меня есть. Этого хватит на несколько дней в самом дешевом хостеле, если такой найдется рядом.

Моргнувшие фары вывели меня из раздумья.

Егор Эдуардович...я думала он уехал. А он все это время стоял тут у подъезда.

Он вышел из машины и подошел ко мне. Сел рядом со мной на лавочку.

- Что произошло? – тихо спросил он

Я молчала, слеза скатилась из глаз. Но я молчала. Было

безумно стыдно.

- Поехали?

- Куда? – шмыгнула я носом

- В тепло – просто ответил он, поднимая мою сумку.

Молча я села в его автомобиль и уставилась в окно.

Ехали молча, он не задавал лишних вопросов, и я была безумно благодарна за это.

Автомобиль остановился у черного входа в бар. Я с удивлением смотрела на дверь.

Егор Эдуардович, видя мое удивленное лицо рассмеялся.

- Пошли, тут есть лестница на второй этаж, там жилой сектор.

- Вы живете в баре?

- Все это здание принадлежит мне. На втором этаже огромная квартира. Я тебя оставлю и уеду. Мне надо к брату.

В кухне оказалась неприметная дверь. Открыв ее, я очутилась на лестнице, что вела вверх.

Квартира была огромная, все в стиле лофт.

- Не пугайся так – Егор Эдуардович прошел внутрь первым – и извини за бардак, я не ждал гостей. Вот тут ванная, вон там за ширмой спальня, тут диван. Завтра у тебя рабочий день начнется только вечером. Так что спокойно отсыпайся. В холодильнике есть продукты. Плита газовая. В ванной есть стиральная и сушильная машина. Можешь воспользоваться. Думаю, разберешься. Завтра вечером после твоей смены мы поговорим. Договорились?

Я просто кивнула, ни в силах вымолвить и слово. Чужой человек оказал мне помощь, когда родные просто бросили.

- Ключи не нужны, вход на лестницу по карте. Вот карта, держи

Он положил белый кусок пластика на столик.

- До завтра, Яра – развернувшись он вышел

Я осталась стоять в центре огромной комнаты, не решаясь двинуться. Свет от единственной лампы под потолком мягко заполнял пространство, оставляя углы в полутьме.

Бардак, как он назвал это, был относительным: несколько книг на низком столике, брошенная на диван куртка, пустая кофейная кружка.

Это была жилая, обжитая пустота, и она казалась мне гораздо безопаснее, чем стерильная, холодная чистота в том месте, откуда я ушла.

Поставила свою сумку возле дивана и, наконец, сделала первый шаг — к холодильнику. Он был огромным, серебристым. Внутри оказалось не просто «есть продукты», а целый мир: упакованные сыры, фрукты в прозрачных контейнерах, булка хлеба, пачка масла. Все было расставлено четко, без спешки.

Я взяла бутылку воды и почувствовала, как сухость в горле начинает отпускать. Вернулась к дивану, сняла обувь. Каждый простой действие — открыть бутылку, сделать глоток — казался сейчас священным ритуалом возвращения к себе.

Потом я нашла ванную. Она была такой же, как всё здесь - просторной, функциональной, с бетонными стенами и тяжелой дубовой стойкой.

Включила свет и увидела свое лицо в зеркале: глаза красные, на щеке остался след от невысохшей слезы. Я медленно вымыла лицо холодной водой, ощущая, как с кожи сходит напряжение последних часов. Потом просто стояла, слушая, как за стеной гудит город — далекий, не касающийся меня теперь.

Не решилась идти за ширму, в спальную часть. Диван был широким, глубоким, с грубой льняной обивкой. Я сняла верхнюю одежду, сложила ее аккуратно на столик, и укрылась тяжелым, шерстяным пледом, который лежал тут же. Темнота за окнами была густой, непрозрачной, но свет одного фонаря на улице попадал на потолок, рисовал на нем медленно движущийся прямоугольный узор.

Я лежала и думала не о будущем, не о прошлом, а о самом этом моменте: о тепле пледа, о твердой поддержке дивана под спиной, о тишине, которая была не пустой, а наполненной гулом города за окном и собственным, медленным дыханием. Пустота внутри начала заполняться не мыслями, а простым физическим ощущением безопасности. Я закрыла глаза.

Засыпала я не сразу. Слушала, как в здании что-то шелкает, как тихо гудит техника. Вспоминала лицо Егора Эдуардовича - не выражение, а просто факт его присутствия в

тот момент на лавочке.

Это было не решение, не план, а просто точка, куда меня привезли. И эта точка казалась сейчас целым миром, достаточным для того, чтобы перевести дыхание.

Проснулась я с тяжелой головой, словно плакала всю ночь.

В свете дня квартира уже не казалась огромной. Да, большая, но не огромная. Кровать за ширмой застелена, в углах пыль, разбросанные вещи.

Мне нужно было занять руки, чтобы лишние мысли не лезли в голову.

Начала я с чистки зубов и завтрака, а потом принялась за уборку. Прошлась влажной тряпкой по поверхностям, помыла всю посуду, даже ту, что стояла за стеклом, но была вся в пыли.

Пока убиралась, машинка постирала мои вещи, закинув их в сушилку, я открыла шкаф...ну...тут тоже беспорядок.

В шкаф с личными вещами я не полезла, а вот в отделе где лежало постельное и полотенца порядок навела.

Помывшись, я приготовила обед и села за стол с полотенцем на голове.

Дверь в квартиру резко открылась и на пороге стояла стройная девушка брюнетка с серебристыми глазами. Она удивленно смотрела на меня, а я на нее. И тут до меня начало доходить вся абсурдность.

- Привет – она прошла к столу и поставила на стул сумку

- Привет – прошептала я испуганно

Это наверно девушка Егора Эдуардовича... вот же...

- Это не то, чем кажется- пролепетала я

Она приподняла бровь, улыбнулась и села за стол.

- А чем это кажется? – спросила она

- Ну... я... я тут случайно... Егор Эдуардович мне просто

помог... ничего такого...

- Я так понимаю именно в благодарность за его помощь

ты убралась в его квартире и приняла у него душ?

- Я ночевала тут

Она удивленно вскинула брови

- Но его тут не было, он уехал к брату – тут же выпалила я

Девушка, наклонив голову, смотрела очень внимательно,

а потом расхохоталась.

- Да расслабься ты – просмеялась она – я Анна, племян-

ница Егора и его крестница

Облегченный выдох вырвался из моей груди.

- Ярослава – я протянула ей руку – я думала ты его девуш-

ка и сейчас мне придется прятать от тебя свои волосы.

Анна снова расхохоталась.

Анна пожала мою руку, а потом оглядела квартиру

- Он, конечно, вечный скиталец и неряха, но здесь стало уютно. Спасибо – сказала она, и в ее голосе не было иронии.

- Я заехала взять его забытый планшет. Дядя у меня такой: куда-то сорвется, не сказав ни слова.

Я молча кивнула. Теперь, когда напряжение спало, я заметила, как сильно хочу чаю. Встала, пошла к раковине. Ан-

на наблюдала за мной, облокотившись на спинку стула.

- Можешь не волноваться, дядя Егор человек странный, но с душой. Если он тебя сюда привез, значит, увидел что-то важное. Он редко кого-либо приводит в свою берлогу.

Я налила воду в чайник. Руки дрожали, но уже меньше. Было странно и неловко объяснять свое присутствие в чужом доме постороннему человеку, даже такому дружелюбному. Но страх ушел, осталась лишь усталая опустошенность.

- Я просто не знала, куда идти - тихо призналась я, глядя на запотевающее окно.

Она встала, нашла в сумке планшет и сунула его под мышку.

- Не переживай, все наладится – Анна улыбнулась - Если что, Егор не зверь. Думаю, девушку в беде он не оставит.

Дверь закрылась за ней, и я снова осталась одна, но ощущение уже было иным. Не как у вчерашней беженки, а как у временного, но полноправного обитателя этого пространства.

Я допила чай, посмотрела на часы. До смены оставалось еще несколько часов. Я легла на диван, укрылась тем же пледом и, впервые за долгое время, уснула быстро и без снов, не вслушиваясь в каждый шорох.

Глава 7

Встав за полчаса до смены, я умылась, перекусила и спустилась вниз.

Повар и его пару помощников видели, что я вышла из той самой двери. Но ни осуждения, ни каких-то насмешливых взглядов я не увидела. Все было ровно и спокойно.

Они улыбнулись, поздоровались и продолжили свою работу.

На кухню заглянул Матвей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.